

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ И ЛАТЫШСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

ВИКТОРИЯ КУЗИНА

*Рижская академия Педагогики и управления образования
Viktorija.kuzina@rpiva.lv*

Ключевые слова: *фразеологические единицы русского и латышского языка, сопоставление, употребление, обучение языку.*

Взаимодействие языков может осуществляться в процессе их исторического развития на всех лингвистических уровнях: лексико-семантическом, фразеологическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом. В этом плане особый интерес представляет фразеологический уровень в иерархии уровней языковой системы, так как фразеологизмы обладают более сложной лексико-грамматической и смысловой структурой.

Фразеология русского и латышского языков сложилась в результате длительного развития соответствующих языков в условиях контактов их носителей. Источниками образования основной части фразеологизмов являются социально-исторические факторы, условия жизни и быта народа, своеобразие оценки происходящих событий, людей, процессов.

В данной работе исследование русских и латышских фразеологизмов проводилось в сопоставительном плане, так как сопоставление показывает не только сходство и отличие, но и результаты языковых контактов, взаимодействия, взаимного обогащения языков. Такие исследования имеют значение как в практике составления двуязычных словарей, в переводческой деятельности, так и в методике преподавания иностранных языков.

В школьной практике Латвии сопоставление применяется не только для устранения интерференции родного языка, но и в плане транспозиции – в случаях полного совпадения явлений двух языков – русского и латышского. При изучении близкородственных языков большое значение отводится процедуре отождествления похожих лексических, фразеологических и др. единиц. Как показывают данные исследований русско-латышских языковых контактов в сфере лексики (Игнатъев, Лосев 1988) в русском и латышском языках имеется свыше 1600 общих слов, охватывающих чуть ли не все сферы человеческой

жизни, и это свидетельствует об общности и родственности русского и латышского языков.

В процессе обучения иностранным языкам особое место отводится изучению фразеологизмов ввиду того, что «одним из основных критериев фразеологичности является критерий дословной непереводимости фразеологизмов на другие языки» (Пастухович 2002, 345). Без освоения достаточного количества фразеологизмов невозможно правильное понимание и свободное общение на иностранном языке. Владение фразеологией позволяет познать народы, их историю и культуру, способствует диалогу культур и тем самым толерантности в обществе.

Анализ научно-методической литературы показал, что „до настоящего времени вопрос о возможности использования фразеологизмов в процессе обучения иностранному языку недостаточно исследован, а в современных учебниках и учебных пособиях фразеологизмы недостаточно представлены” (Костина 2009, 124). Это высказывание Н. Костины наглядно подтверждается при рассмотрении учебников для латышских и русских школ. В них в основном обнаружены фразеологические сравнения (в небольшом количестве), например, *озеро как зеркало – ezers kā spogulis*, *большой как слон – liels kā zilonis*, *хитрая как лиса – viltīga kā lapsa*, *лает как собака – rej kā suns*, *глаза как пуговицы – acis kā pogas*.

При отсутствии фундаментальных исследований русско-латышских языковых контактов в сфере фразеологии учителю приходится самостоятельно решать эту задачу на основе некоторых работ в области сопоставительной фразеологии этих языков (Павловская, Красюк 2001, 192-201). Попыткой синхронного сопоставительного описания фразеологизмов русского и латышского языков является и данная работа, опирающаяся на исследования двуязычных фразеологических словарей, учебных пособий по русскому языку для 10–12 классов латышских школ, учебных пособий по латышскому языку для 10–12 классов русских школ, художественной литературы на обоих языках. Необходимо отметить, что в фразеологические словари, учебные пособия включены в основном общеупотребительные фразеологизмы, которые часто встречаются при чтении художественной литературы, публицистики и в живой речи. Фразеологические единицы (в нашем исследовании их свыше 1000) были проанализированы с точки зрения их соотносимости или эквивалентности. На основе классификации фразеологизмов, данной в книге С. Влахова и С. Флорина (Влахов, Флорин 1986), нами были выделены следующие группы:

1) полные эквиваленты (они составляют 27,4%), например, *делать из мухи слона – taisīt no mušas ziloni*, *бросать тень – mest ēni*, *красный как рак – sarkans kā vēzis*, *земля горит под ногами – zeme deg zem kājām*, *агнец божий – dieva jērs*, *око за око – aci pret aci*, *голубь мира – miera balodis*, *непт божий – dieva pirksts*, *непт судьбы – likteņa pirksts*, *открыть Америку – atklāt Ameriku*, *каша в голове – putra galvā* и другие;

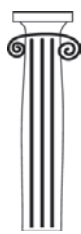
2) частичные эквиваленты (45,3%), которые имеют одинаковую или другую образность при неизменной структуре и различное лексико-грамматическое оформление, например, *как корова на льду* – *kā pīle* (утка) *uz ledus*, *волком выть* – *kaukt kā sunim* (собака), *сухой как вобла* – *izkaltis kā asaka* (рыбная кость), *зарыть талант в землю* – *aprakt savu (свой) talantu*, *земля обетованная* – *apsolītā zeme* (обещанная земля), *каинова печать* – *Kaina zīme* (знак), *как собака на сене* – *kā suns uz siena kaudzes* (стог), *пожать плечами* – *paraustīt* (подёргать) *plecus*, *тьма кромешная* – *tumšs kā peklē* (темно как в аду), *чудеса в решете* – *debesu* (небесные) *brīnumi*; *zili* (голубые) *brīnumi* и другие;

3) фразеологические аналоги (23,9%), которые различаются по образности и синтаксической структуре, например, *врёт как сивый мерин* – *melo, ka ausis kust* (врёт, что даже уши шевелятся), *смыслить как свинья в апельсинах* – *saprast tik, cik cūka no saules, svētdienas* (понять столько, сколько свинья от солнца, от воскресенья), *вавилонское столпотворение* – *sajukums kā pie Bābeles torņa* (всё смешано, как у Вавилонской башни), *это ещё вилами по воде писано* – *tas ir vēl zara galā* (это ещё в конце сука), *tas vēl zvaigznēs rakstīts* (это в звёздах писано) и другие;

4) безэквивалентные фразеологизмы (3,4%), например, *при царе Горохе* – *sensenos laikos*, *кричать на всю Ивановскую* – *kliegt pilnā rīklē* (в полное горло), *бедный Макап* – *nelaimes putns* (птица несчастья), *как на Маланьину свадьбу наварить* – *pievārīt, piecept kā uz kāzām* (наварить/напечь как на свадьбу), *каши маслом не испортишь* – *labs laba nemaitā* (хороший хорошего не испортит), *мало каши ел* (разг.) – *vēl mātes piens aiz lūpām* (ещё материнское молоко за губами), *перебиваться с хлеба на квас / на воду* (прост.) – *dzīvot no rokas mutē*, *тёртый калач* (разг.) – *rūdīts, slīpēts zellis* (хитрый парень), *как сыр в масле* – *dzīvo kā niere taukos* (живёт как почка в жире), *горячий на руку* (прост.) – *karstas putas strēbējs* (кушающий горячую кашу), *бить баклуши* (разг.) – *slinkumu lāpīt* (бездельничать) и другие.

Как показывают эти статистические данные, самой многочисленной группой являются частичные эквиваленты. Именно в этой группе при обучении русскому или латышскому языку как иностранному наблюдается значительное количество ошибок, связанных с дословным переводом родного языка и особенностями национального мышления (Кузина 2009, 271). Самую малочисленную группу составляют безэквивалентные фразеологизмы, которые особенно ярко демонстрируют специфические особенности национального языка и на другой язык переводятся описательно. Как отмечает крупнейший специалист по фразеологии В. М. Мокиенко, малочисленность этих фразеологизмов свидетельствует о том, что по сравнению с лексикой фразеологизмы менее национальны, то есть среди них наблюдается большое количество интернационализмов.

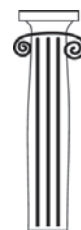
Полные, а также частичные эквиваленты являются ярким выражением интернационального в русском и латышском языках. К интернационализмам

(Мокиенко 1986, 23) относятся фразеологические единицы, восходящие к общему для европейских народов культурно-историческому источнику – Библии и античным мифам и обладающие общей семантикой. Тожественными часто оказываются античные обороты (например, *троянский конь* – *Trojas zirgs*, *гомерический смех* – *Homēra smiekli*, *Ахиллесова пята* – *Ahilleja papēdis*), а также многие фразеологические библеизмы (Павловская, Красюк 2002, 355), например, *запретный плод* – *aizliegtais auglis*, *золотой телец* – *zelta teļš*, *манна небесная* – *debess manna*. В этих группах можно обнаружить фразеологические элементы, которые возникли на основе мировой культуры и литературы, а также на основе сходных экономических и культурных условий в Европе, например, *это бьёт по карману* – *tas cērt makā* (это рубит в кошелёк), *китайская стена* – *Ķīnas mūris*, *китайская азбука* – *Ķīnas ābese*, *слуга двух господ* – *divu kungu kalps*, *бороться с ветряными мельницами* – *cīnīties ar vējdzirnavām*. Некоторые русские и латышские фразеологизмы калькированы из других языков, например, *голубая кровь* (из французского) – *zilās asinis*, *шито белыми нитками* (из французского и испанского) – *šūts baltiem diegiem* и другие. Эти калькированные или полукалькированные фразеологизмы имеют более всего сходств в разных европейских языках. Конечно, не всегда легко определить, в котором из языков возникло данное выражение и каким образом оно стало употребляться в другом языке.

В группах полных и частичных эквивалентов имеются идентичные фразеологизмы, которые возникли в разных языках на основе общности логических и образно-ассоциативных процессов мышления различных народов (Чилла 2002, 400). К ним относятся и межъязыковые параллельные фразеологизмы, возникшие на основе сравнения человека, его свойств, реакции с поведением животного мира. Сравнение человека с животными по различным характерным признакам наблюдается в различных языках (Павловская 1999, 7). Такого рода устойчивые сравнения довольно часто встречаются в фольклоре, художественной литературе, особенно часто их употребляют в разговорной речи как дети, так и взрослые. Анализ фразеологических сравнений показал, что в русских и латышских фразеологизмах встречаются следующие названия животных: *agneц, баран, белка, блоха, бык, волк, воробей, ворона, вошь, голубь, гусь, ёж, жеребёнок, жук, журавль, заяц, зверь, индюк, коза, комар, конь, корова, кот, котёнок, крокодил, кукушка, курица, ласточка, лебедь, лев, лиса, лошадь, мартышка, медведь, муха, мышь, орёл, оса, осёл, петух, пиявка, поросёнок, птица, пчела, рак, рыба, свинья, сельдь, слон, собака, сова, соловей, сорока, страус, телёнок, угорь, уж, утка, цыплёнок, червь, черепаха, щенок, щука, ягнёнок* и др.

Наиболее частотными в составе русских фразеологизмов являются такие слова, как: *собака, волк, муха, курица, рыба, свинья, кот*. Например: *свинья* – как *свинья в апельсинах* (смыслить, понимать), *кот* – *смотрит, как кот на сало*, *рыба* – *молчать как рыба, немой как рыба, собака* – как *собака на сене*,

волк – голоден как волк, муха – как сонная муха, курица – носится как курица с яйцом. В латышских фразеологизмах, по данным А. Лауа (1992, 34–35), среди названий животных преобладают такие слова: *suns* – (собака), например, *rej kā suns uz mēnesi* – лает как пёс на луну, *kaķis* (кот), например, *laizās kā kaķis* – облизывается как кот, *zirgs* (лошадь, конь), например, *strādā kā zirgs* – работает как вол, *vilks* (волк), например, *izsalcis (izkāmējis) kā vilks* – голоден как волк.

Фразеологизмы с анимализмами обычно характеризуют человека по внешнему виду: *сухой как вобла, как ошипанная курица, красный как рак, как корова на льду* и др.; по отдельным чертам характера: *упрямый как бык, трусливый как заяц, хитрый как лиса, смирный как овечка*; по интеллекту: *глуп как сивый мерин*; по степени интенсивности проявляемых чувств и совершаемых действий: *надулся как индюк, впился как клещ, ржать как лошадь, назойлив как муха*.

При сопоставлении такого рода фразеологических сравнений в русском и латышском языках можно обнаружить много абсолютных совпадений, например, *вертится (крутится) как белка в колесе* – *griežas kā vāvere ritenī*, *жуужжать как пчела* – *dūkt kā bite*, *бегут как крысы с тонущего корабля* – *bēg kā žurkas no grimstoša kuģa*, *беден (гол) как церковная крыса* – *pliks kā baznīcas žurka*, *писать как курица лапой* – *rakstīt kā ar vistas kāju*, *визжать как поросёнок* – *kviekt kā sivēnam*, *скользкий как угорь* – *glums kā zutis*, *живуч как кошка* – *sīksta dzīvība kā kaķim*, *забрался как вошь в шубу* – *ielīdis kā uts kažokā*, *жить как кошка с собакой* – *dzīvot kā sunim ar kaķi*, *торчат как крот в своей норе* – *tur kā kurtis savā alā* и др. Однако “изюминку” каждого языка составляют именно непохожие образы. При сопоставлении фразеологических сравнений в русском и латышском языках обнаружены несовпадения в отношении животных, например, *волком выть* – *kaukt kā sunim* (собака), *носится как курица с яйцом* – *nēsā kā kaķe* (кошка) *kaķēnus* (котят), *работать (трудиться) как вол* – *strādāt kā zīrgam* (лошадь), *боится как черт ладана* – *baidās kā kaķis* (кот) *no pūšļa* (пузырь), *витья ужом* – *lēkā kā sienāzis* (кузнечик), *гусь свинье не товарищ* – *vilks* (волк) *nav sunim* (собака) *draugs*.

В выше приведенных фразеологических сравнениях часто используется сравнительная частица “как” в русском языке, в латышском “kā”, но имеются также фразеологические единицы, в которых в одном языке употребляется сравнительная частица, а во втором её нет, например, *врёт как сивый мерин* – *melo, ka ausis vien kust* (врёт что уши шевелятся); *смыслить (понимать) как свинья в апельсинах* – *saprast tik, cik cūka no saules (no svētdienas)* (понимать так, как свинья от солнца) (воскресенья); *тише воды – ниже травы* – *lēns kā jērs* (медленный как ягнёнок); *выступать (ходить) гоголем* – *staigāt kā rāvat* (ходить как павлин); *ни сном, ни духом* – *nevainīgs* (невинный) *kā jērs* (ягнёнок); *смотреть букой* – *sabozies* (вздулся) *kā ezis* (ёж); *ходить уточкой* – *iet kā pīle*; *ястребом налететь* – *uzkrist kā vanagam* (коршун).

В рассмотренных фразеологизмах человек при сравнении с животными характеризуется чаще всего с отрицательной стороны. В каждом языке на протяжении веков уже сложились определённые стереотипы (Вулане 2002, 64), например, в русском языке отрицательные стереотипы: корова – неуклюжий человек, заяц – трусливый человек, индюк – заносчивый человек, баран – символ глупости и упрямства, змея – коварный человек, ворона – зевака, ротозей; положительные стереотипы: бык – символ крепкого здоровья, белка – символ быстроты, орёл, сокол – гордый, смелый человек. Значение этих слов, как правило, сохраняется в составе фразеологизмов.

Проведенное исследование показывает, что в русском и латышском языках фразеологические единицы имеют в основном сходную образность, лексическую и синтаксическую структуру. Сопоставительное изучение фразеологизмов этих языков дает возможность выявить некоторые аспекты языковых контактов, проследить их специфическое отражение в сфере фразеологии.

Литература

- Игнатъев Б., Лосев А. Русско-латышская языковая и историческая общность как объект школьного обучения. *Опора на родной язык учащихся в обучении русскому языку*. Рига, 1988.
- Даугатс Э. Ю., Ившин В. Д. Из истории вопроса о взаимодействии латышского и русского языков. *Языковые контакты в аспекте культуры языка*. Рига, 1981.
- Семёнова М. Ф. *Сопоставительная грамматика русского и латышского языков*. Рига, 1994.
- Пастухович Е. Ф. Об использовании фразеологизмов в процессе обучения чешскому языку, их интернациональный и национальный характер. *Rossica Olomucensia XL*. 2. část. Olomouc, 2002.
- Павловская Л., Красюк В. Формирование бикультурной компетенции с помощью фразеологизмов при обучении русскому языку как иностранному. *Valodu apguve: Problēmas un perspektīva*. Zin. rakstu krāj. Liepāja, 2001.
- Влахов С., Флорин С. *Непереводимые в переводе*. Москва, 1986.
- Мокиенко В. М. *Образы русской речи*. Ленинград, 1986.
- Павловская Л., Красюк В. Библиейские фразеологизмы в русском и латышском языках. *Rossica Olomucensia XL* 2. část. Olomouc, 2002.
- Павловская Л. Г. *Мир человека и мир животных в фразеологии*. Рига, 1999.
- Чилла Ф. К проблеме определения источника некоторых фразеологизмов русского языка. *Rossica Olomucensia XL*. 2. část. Olomouc, 2002.
- Laua A. *Latviešu valodas frazeoloģija*. Rīga, 1992.
- Vulāne A. *Etalonvārdi latviešu frazeoloģismos. Valodas vienību semantika un tās izpētes aspects*. Rīga, 2002.
- Кузина В. Сопоставительное изучение русско-латышских фразеологических параллелей и их использование в школьной практике. *Rossica Olomucensia XLVIII*. Olomouc, 2009, 271.

Viktorija Kuzina

GRE TINAMASIS RUSŲ IR LATVIŲ KALBŲ FRAZEOLIGIZMŲ TYRIMAS

Santrauka

Pagrindiniai žodžiai: *rusų ir latvių frazeologiniai vienetai, palyginimas, vartojimas, kalbų mokymas.*

Kalbų sąveiką gali lemti istorinė visų kalbos lygmenų: leksinio ir semantinio, frazeologinio, fonetinio, morfologinio, sintaksinio ir stilistinio, raida. Šiame kontekste ypatingą susidomėjimą kelia frazeologinis kalbos lygmuo kalbos sistemos lygmenų hierarchijoje, nes frazeologizmams būdinga sudėtingesnė leksinė, gramatinė ir prasminė struktūra. Rusų ir latvių kalbų frazeologijos analizė parodė visišką ir dalinį didelio skaičiaus idiomų prasmių, metaforinių pagrindų ir leksinės struktūros sutapimą. Abiejose kalbose egzistuoja savita frazeologinių vienetų grupė, kilusi iš antikinės literatūros ir biblijos. Gretinamoji rusų ir latvių (taip pat vokiečių ir latvių) kalbų frazeologinių analogijų analizė suteikia galimybę atskleisti kai kuriuos kalbų kontaktų aspektus.

Viktorija Kuzina

A COMPARATIVE STUDY OF RUSSIAN AND LATVIAN PHRASEOLOGICAL LOCUTIONS

Summary

Keywords: *Russian-Latvian phraseological locutions, comparison, usage, language teaching.*

Mutual interaction of languages may occur in the process of their historical development on all linguistic levels: lexical and semantic, phraseological, phonetic, morphological, syntactic and stylistic. In this context, special interest is aroused by the phraseological level in the hierarchy of the levels of the language system, since phraseologisms are bestowed with more complex lexical, grammatical and notional structure. The analysis of phraseology in the Russian and Latvian languages demonstrates full and partial coincidence of meanings, figurative basis and lexical structure of a great number of phraseological units. Both in the Russian and Latvian languages a special group of phraseological units is constituted by phraseologisms from ancient literature and the Bible. The comparative analysis of Russian and Latvian (as well as German and Latvian) phraseological analogies gives us an opportunity of revealing some aspects of language contacts, the specific manifestation of this phenomenon in the realm of phraseology.

